

Роман Воликов
Возвращение Крестоносцев

Роман Воликов

Возвращение крестоносцев

«Издательские решения»

Воликов Р.

Возвращение крестоносцев / Р. Воликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852623-7

«И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его были имена богохульные. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?» Иоанн из Патмоса

ISBN 978-5-44-852623-7

© Воликов Р.
© Издательские решения

Содержание

Lux in Tenebris I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Возвращение крестоносцев

Роман Воликов

*«С точки зрения исторических процессов единое человечество это
пустой звук»*

О. Шпенглер «Закат Европы»

Иллюстратор Анна Воликова

© Роман Воликов, 2017

© Анна Воликова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2623-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Lux in Tenebris¹

Людей стало слишком много. Этот простой факт в какой-то момент сделал жизнь невозможной. Развитие новых технологий превратило множество прежних профессий в бессмыслицу, там, где совсем недавно требовалась тысяча квалифицированных рабочих, оказывалось достаточно пятерых компьютерщиков, с улыбкой на лице обеспечивающих функционирование фабрики или завода.

Люди, благодаря невероятному рывку в фармацевтике и регулярному калорийному питанию, стали жить дольше. Первыми на это чутко отреагировали шлюхи. Раньше они писали в объявлениях: «Встречусь за вознаграждение с мужчиной до пятидесяти», затем планка поднялась до шестидесяти, и наконец – до восьмидесяти.

Те, кто имели работу, готовы были работать до гробовой доски, и возненавидели тех, кто её искал. Во всём цивилизованном мире главной задачей профсоюзов стало противодействие увольнению, даже если работник был очевидно непригоден.

Работа означала сносное существование, питание экологически чистыми продуктами, возможность поехать на курорт и носить модные вещи. Только имея постоянную работу, можно было рассчитывать на ипотеку и автомобиль в кредит.

О том, есть ли в данной конкретной работе хоть какой-нибудь смысл, давно никто не задумывался. Бизнес-тренеры, маркетологи и дизайнеры плодились как грибы после дождя, в этом креативном безумстве обычный плотник или токарь смотрелся реликтом из первобытных времен. Думать, читать и знать что-либо иное за пределами выбранной профессии и устоявшегося образа жизни превратилось в занятие странное и потому излишнее.

Безработным доставались синтетическая китайская лапша, заменители масла, мяса и молока, таблетки для поддержания иммунитета и койка в переполненных общественных домах, если они не хотели или не могли жить с родителями. Разного рода и толка психотерапевты, нанимаемые государственными чиновниками, пытались нарисовать для них перспективу, но эти попытки уж слишком сильно напоминали ковыляние калеки, убеждённого, что он участвует в марафонском беге.

В сельской местности, конечно, такой остроты не ощущалось. В деревнях по-прежнему сеяли хлеб и ухаживали за скотиной, крестьянский труд мало изменился за последние несколько тысяч лет, но, увы, безжалостный парадокс исторического развития, люди бежали от этой сытой и размеренной спокойности в чумные города, чтобы сидеть как проклятые в соцсетях, завидовать кино и телезвездам и есть соевый эрзац вместо настоящего мяса, которое было им не по карману. Крестьяне оставались последними чудаками, понимавшими простые истины, вставали на заре и ложились на закате, не тревожились по поводу борьбы политических партий и грустили лишь от того, что натуральные продукты всё больше вытеснялись синтетическими. На них и смотрели как на чудаков, с уважением, но без желания разделить бытие.

Все эти процессы происходили в той части мира, где проживал миллиард, ещё недавно называемым «золотым». Остальная часть населения планеты пребывала в нищете, убогости, часто в голоде и гражданских войнах, проблема пенсионного возраста, столь взрывоопасная в западном мире, этих людей не волновала, поскольку редко кто доживал до пенсии. Золотой миллиард, почти растерявший весь свой блеск, смотрел на третий мир как на докучливых родственников, допекавших своей бестолковостью.

Когда-то, в силу самых разных причин, представители третьего мира заполнили в цивилизованных странах нишу «грязных профессий»: тех, которые белый человек считал ниже своего достоинства и культурного уровня. Они были грузчиками, чернорабочими, носильщиками,

¹ Свет во тьме (лат.)

уборщиками и ассенизаторами, в лучшем случае – официантками в фастфудах и водителями такси. И разумеется, торговцами наркотиками, дешёвыми проститутками, мелкими таможенными контрабандистами и уличными ворами.

Этих чёрных и цветных не любили в западном мире, но воспринимали как неизбежную данность: немца или француза было трудно убедить работать мойщиком посуды в ресторане или прачкой, тем более за зарплату, которой едва хватало на синтетическую еду. Голландец, грек и испанец предпочитал требовать от правительства пособие по безработице, на которое тоже не получится каждый день заказывать настоящий бифштекс с кровью, но за это своё гражданское право бить баклуши и называть весь остальной мир дебилами белый человек готов был выходить на демонстрации и проклинать почём зря политиков.

Расовая проблема, дремавшая в подземельях старушки Европы с момента окончания Второй Мировой войны, взорвалась с невиданной силой во время ближневосточных событий. Миллионы арабских беженцев, хлынувшие через прозрачные границы от бесчинств фанатиков Исламского Государства², от бомбёжек запрещёнными вакуумными бомбами и химическими боеприпасами, чем отличались и соратники, и противники ооновской коалиции, от небывалого зверства противостояния, вызвавшего в памяти людей воспоминания о религиозных войнах Средневековья, опрокинули и так шаткий, качающийся на ветру добропорядочный и толерантный европейский мир.

Никто не оказался готов к этому переселению народов, ни государственные учреждения, ни общественные организации. Поэтому в каждой стране правительство пустилось, кто во что горазд.

Французская полиция закрывала беженцев в фильтрационных лагерях, очень напоминавших концентрационные. Итальянские патрульные сторожевики топили в море переполненные баркасы, а военный министр неуклюже объяснял журналистам, что видео, продемонстрированное в интернете, является фальшивкой Аль-Каиды³. В Будапеште в одном из пригородов выселили венгров и заполнили его, как селёдки в бочке, сирийскими иммигрантами. Гетто окружили бетонным забором и бронемашинами, любая попытка выйти без разрешения властей пресекалась стрельбой на поражение. В Германии, где чувство вины перед евреями стало национальным проклятием, пьяные немцы просто лупили всех, кто хоть чем-то напоминал выходцев из Азии. Полицейские равнодушно взирали на этот процесс, «Скорая помощь» получила негласную инструкцию сразу везти в морг, даже если было подозрение, что человек ещё жив.

Глубочайшее убеждение, что азиаты и негры, собственно, и не люди, а слуги людей, и даже не слуги, а скорей, жалкое подобие, до сих пор тщательно скрываемое, обрело полнейшую народную поддержку. Миллионы безработных Европы, переговариваясь в социальных сетях, возбуждали надежду: если их выгнать, нам сразу станет хорошо. Почти неслышимые голоса интеллектуалов, как обычно, утонули в этом потоке ненависти, и оставался лишь вопрос времени: когда правительства признают состоявшийся факт. Теракты в крупных городах, которые с регулярной частотой устраивали мусульманские фанатики, только подливали масла в огонь.

Первыми решились тихие, медлительные и незлобные шведы. В двадцать четыре часа всех, кто не имел европейской внешности, погрузили на корабли. С подкупающей демократичностью не были учтены никакие заслуги, включая факт шведского гражданства. Белым жёнам и мужьям несчастных было предложено в течение двух часов развестись или отплыть на кораблях, сохранив семьи. Детей от смешанных браков тоже признали персонами non grata⁴, хотя это решение и вызвало ожесточённые дискуссии в парламенте страны.

² Террористическая организация, запрещённая на территории РФ

³ Террористическая организация, запрещённая на территории РФ

⁴ Нежелательная персона (лат.)

Корабли направились в Турцию. Турки отделяли тех, кто, по их мнению, являлся курдами, и отвозили в горы. В горах их травили слезоточивым газом и закапывали бульдозерами в общие могилы. Средства массовой информации прекрасно были об этом осведомлены, но упорно изображали глухонемых.

Остальные по коридору шириной в два километра, огороженным колючей проволокой под электротоком, побрели в сторону сирийской границы. Вертолётами с воздуха, как прокажённым, им сбрасывали воду и продукты. Что произошло с этими людьми в Сирии, точно не известно, Сирия давно была отключена от всех средств коммуникаций.

Шведский пример повторили прибалты и другие скандинавские страны. Затем Германия и вся остальная Европа. Последним к этому увлекательному геноциду присоединилось Соединённое Королевство, королева произнесла на Трафальгарской площади слезливую речь и попросила прощения у высылаемых.

Турция уже не справлялась с людским потоком, недочеловеков, по мнению европейских безработных, высаживали на пустынных берегах Ливии и предлагали уповать на волю Аллаха. Правительство США, занявшее во время этой вакханалии очень простую позицию: «Это не наше дело!», всё же разрешило частным организациям открыть в ливийской пустыне палаточные лагеря с врачами и хоть каким-нибудь запасом продовольствия.

Лагеря просуществовали недолго. Банды бедуинов их разграбили, врачей частью убили, а частью продали в рабство в экваториальную Африку. Выжившие репатрианты добрались до Египта и попытались начать новую жизнь, по законам шариата, забыв, что не так давно люди научились летать в космос.

Европейские безработные могли торжествовать: в Европе остались только европейцы.

Вот на таком историческом фоне стремящегося к звёздам двадцать первого века в городе Львове родился и рос молодой человек, которого звали Мирослав Янковский. Полуполяк по отцу, полулитовец по матери, он ощущал себя полноценным среднестатистическим европейцем.

Он родился в тот год, когда Украина наконец сочла себя независимой страной и вступила с Россией в драку: за нефть, газ и Донбасс. Впрочем, семью Янковских эти события интересовали мало: отец работал водителем грузового трейлера и неделями пропадал в рейсах, мать была домохозяйкой и иногда подрабатывала маляром. Семья жила не бедно, скорей, скудно и бережливо, родители надеялись дать детям, у Мирослава было две сестры, младше и старше его, приличное образование, оптимально в Германии, в крайнем случае, в Чехии или Польше.

Львов вместе со всей Украиной мог быть отнесен к западному миру весьма условно, это было глухо провинциальное захолустье, пережитки советского прошлого встречались на каждом шагу, в семье, в силу её этнического происхождения, к хохлам относились не столько пренебрежительно, сколь насмешливо.

«Честно говоря, – обычно повторял Янковский старший, выпив лишнего, – я бы предпочёл, что этот город снова назывался Лемберг, а в мэрии сидели австрийцы, а не чубатые ребята в косоворотках. Порядка точно было бы больше». «Хотя мне наплевать, – добавлял он, протрезвев. – Хохлы так хохлы, главное, чтобы квартплату не повышали».

К моменту описываемых событий Мирославу исполнилось восемнадцать лет, он окончил городскую общедоступную гимназию и пребывал в размышлениях о будущем жизненном пути. В гимназии у него было два любимых предмета – английский язык и карате. Английский, потому что интернет и телевидение ежечасно твердили, что без знания этого языка невозможно добиться никакой, самой ничтожной карьеры. То же, пусть и с меньшей уверенностью, утверждали родители. А карате сделало его выносливым и сильным.

Он был здоровенный детина, Мирослав Янковский, под метр девяносто, мощные плечи, широкие как грабли запястья, толстая как у ломового мерина жопа на крепких чуть кривоватых ногах, и не так глуп, как могло показаться на первый взгляд. Он не был умён, скорей,

хитёр, отлично считал гроши, обожал торговаться на базаре и делал это страстно и с неподдельным артистизмом, иначе говоря, обладал природной способностью молниеносно выявлять, что выгодно, а что нет. Книги, естественно, он читать не любил и в этом мало отличался от сверстников. Целиком и полностью он относился к поколению, которое изучало историю и общественные процессы по компьютерным играм, и запросто мог разбить челюсть тому, кто осмелился бы утверждать, что Яков Прибой или генерал Ву Ксинг мультяшные придумки, а не реально существовавшие люди.

В какой-то мере это поколение следовало назвать живыми роботами – они жили по инструкциям, выхолощенными соответствующими умниками в скромный набор «что такое хорошо и что такое плохо», умеренно-консервативно-религиозный с базовым тезисом – «*Omnis potestas a Deo*»⁵, полутона и оттенки мыслительного процесса считались уделом избранных, ограниченного круга семей англосаксов, тщательно следивших за чистотой рядов. Славяне Восточной и Южной Европы не то чтобы считались людьми второго сорта, они такими являлись в сложившейся экономической модели. Их жизнь, а тем более судьба, волновала правящие элиты исключительно с точки зрения наполняемости рынка сбыта вышедших из моды товаров.

У совершеннолетнего здоровяка Мирослава Янковского не было никакого шанса вырваться из привычного круга вещей. Тем более, что жизнь европейских безработных за годы, прошедшие после изгнания чужеземцев, не стала слаще.

Это была очередная несбывшаяся иллюзия – освободившиеся рабочие места, на одну вакансию претендовало пятьдесят человек, научно-технический прогресс никто не остановил, порой казалось, что он превратился в самостоятельный разум, производящий новые и новые устройства, заменяющие человека, исключительно в угоду собственным амбициям. Быстро выяснилась ещё одна неприглядная сторона медали: белый человек и не слишком-то жаждал трудиться в поте лица своего. Взять в руки лопату и копать яму это был пережиток далёкого прошлого, и никто не хотел возврата. Жизнь стала слишком комфортной, необходимость пахать от зари до заката никому не улыбалась.

Виртуальный мир интернета заполняли бесчисленные рассказы, как можно зарабатывать деньги, не снимая домашних тапочек, просто нажимая клавиши на компьютере. Это была ложь, но такая приятная для сердца, в этой лжи было изумительно купаться, зная, что у тебя нет дурака начальника, тебе не нужно ехать в переполненном транспорте в офис и выпрашивать лишний день к несчастному недельному отпуску.

Эта интернетовская болтовня не давала заработка, и государство было вынуждено вешать бремя на себя. Через три года после этнической зачистки Европы бюджет на пособия по безработице превысил средства, выделяемые на оборону и культуру. Ещё через два года демократические правительства рухнули в бездонную пропасть отрицательного сальдо.

Их сменили лидеры, которых с натяжкой можно было назвать новыми нацистами. С натяжкой, потому что им не хватало жестокости, исступлённости и планомерности горилл прошлого, расовые враги были изгнаны до них, коммунизм давно вышел из тренда. Антисемитскую карту никто даже и не попытался разыгрывать, настолько она пропахла нафталином.

В конечном итоге, усилия этих новых нацистов свелись к максимальной пропагандистской героизации славного европейского прошлого, ужесточению, вплоть до смертной казни, налогового контроля и тотальному компьютерному слежению за всеми, кто имел несчастье высказать собственное мнение. К обветшалой триаде: «Мир, прогресс, разум», добавилось существенное прибавление: «Все вокруг – враги. Надо быть начеку и держаться из последних сил». До какой поры надо держаться, не знал никто, включая самих лидеров нацистов.

⁵ Всякая власть от Бога (лат.)

За океаном кажущимся островом спокойствия и прежней блаженной жизни стояли Соединенные Штаты, превратившие из страны открытых возможностей в страну закрытых возможностей. Они отгородились от чиканос трёхметровой бетонной стеной по всей границе, с европейцами они по-прежнему дружили, но невзначай ввели визовый режим и право отказа на посещение страны без объяснения причин. Легко приехать могли только специалисты в своих отраслях, как правило, в сфере новых технологий, и, приехав однажды, обычно оставались навсегда. Те цветные, что жили в Америке, давно ассимилировались, и готовы были порвать глотку любому, кто сомневался в избранном пути Штатов. Этот избранный путь вполне рационально подвёл американцев к простому выводу: если континент Европа не успевает за нами, нам очень жаль, но мы ничем не можем помочь.

Были ещё, конечно, полумифические в сознании переставших путешествовать европейцев страны вроде Австралии и Новой Зеландии, где тоже жили белые и где вроде бы всё не так плохо, но проверить, так ли это на самом деле, почти ни у кого не было возможности, трансатлантические перелёты стали безумно дороги и требовали специального согласования с нацистскими властями.

На другом конце света многомиллиардным ульем копошился Китай, его желтолицые правители с непроницаемой улыбкой со скоростью света лепили великую индустриальную державу. Они невозмутимо смотрели на мир, изучали статистические отчёты об уровне ай кью населения и нисколько не сомневались, что Поднебесная на этой планете может быть только одна.

Привычный круг вещей ждал окончившего гимназию Мирослава Янковского, обычного жителя глухих задворков западного мира, перешедшего в неонацистский формат и предельно далёкого от наивных романтических мечт о гуманной и счастливой жизни: отец, по всей вероятности, сможет передать ему по наследству место водителя грузового трейлера, лет в двадцать пять, отгуляв положенное, он женится на приличной местной девушке, общими семейными усилиями им обеспечат скромную жилплощадь, и, наконец, пойдёт продолжение рода человеческого. Вопрос: «Зачем?» показался бы этим львовянам диким.

И, наверное, это было хорошо, этот уклад жизни был не так уж плох, особенно, если не иметь сравнительного опыта, на базаре натуральные продукты были представлены больше, чем синтетические, водка была дешева, а девки молоды и горячи. Наверное, так бы и произошло, но был один человек, который имел в отношении Мирослава Янковского совсем иные планы.

Этого человека звали Мирослав Ялуш, он был ненамного старше тёзки, ему исполнилось двадцать семь лет, он являлся ксендзом львовского костёла святого Юра. Ялуш происходил из канадских украинцев и считал родным языком английский. Попав несколько лет назад на службу во Львов, он в мгновение ока выучил украинский, а заодно и русский. У этого человека присутствовал несомненный лингвистический дар.

И не только. Он очень быстро соображал, был склонен к авантюрным поступкам, и обладал поистине дьявольской способностью к перевоплощению. Если бы обстоятельства его жизни сложились по-другому, вполне вероятно, он мог стать одной из самых ярких звёзд Голливуда. Вместо Голливуда в двенадцать лет Мирослав Ялуш возглавил подростковую банду в Торонто, являясь одновременно хорошим мальчиком – сыном владельца небольшого бакалейного магазина, прилежным учеником в частном колледже и победителем ежегодного турнира по теннису.

Юный Ялуш пребывал в этих двух ипостасях в течение четырех лет, чем немало поразил выдавших виды торонтских полицейских. Банда занималась обычным делом: грабила зазевавшихся прохожих, торговала наркотиками, брала на гоп-стоп гастролировавших проституток. Конец был ужасен – хороший мальчик со товарищи, наглотавшись на дискотеке экстази, зарезали парочку молодоженов, не пожелавших делиться десяткой долларов.

Мирослава Ялуша ждал конкретный срок, весьма немалый, а потом судьба обычного мафиози, с пулей в животе и похоронами на собачьей свалке. К его счастью, на любопытного мальчика обратил внимание крупный полицейский чин, одновременно тайный член «Опус Деи», той самой малоизвестной широкой публике организации, которая с чрезвычайным тщанием отстаивает интересы католической церкви в бушующем мирском море.

«Невероятный лицедей, – сообщил он в приватной беседе архиепископу Торонто. – В какой-то момент я сам был готов поверить, что он оказался на месте убийства случайно. Такой мальчик-одуванчик с прихватами садиста. Будет жаль, если превратится в обыкновенного мобстера».

Церковь вступила в сделку со следствием и родителями Ялуша, почти нелегально его вывезли в горный монастырь в Испании и начали готовить верного воина Христава.

Католическая церковь в эти печальные годы профанации западной цивилизации переживала этап, который с полным правом можно назвать возрождение. Тридцать лет назад, на пороге миллениума, большинство населения было убеждено, что христианские обряды – красивая дань человеческому прошлому и учение, проповедуемое священниками, не более чем набор ярких, но бесполезных в жизни фраз. Когда же усталость от прогресса достигла своего предела, люди вновь стали обращаться к вечным истинам и искать в них если не ответы, то хотя бы долю милосердия.

Римская курия, к её чести, оказалась на высоте. Служители, от высшего пастыря до сельского ксендза, были тверды в своих убеждениях и отказывались поддаваться соблазнам материального мира. Христианская вера медленно, но последовательно начала вытеснять атеизм, при необходимости не гнушаясь методами.

Конкурентов у католиков не осталось. Церковь Лютера, когда-то благословившая научно-технический прогресс, при его конце оказалась символом зла и растеряла почти всех прихожан. Ортодоксы православия, мало представленные в Европе, увязли в распрях многолетней гражданской войны в России, которая началась сразу после скоропостижной смерти президента.

Папой Римским стал молодой человек тридцати двух лет, ирландец по национальности, он взял себе многозначительное имя Petrus Romanus. Его избрание произошло в нарушение всех вековых традиций, без конклава, группой кардиналов и архиепископов из разных стран, реально руководивших церковью. Это был переворот, это был заговор, но люди, его совершившие, понимали самое главное – без кардинальных перемен церковь умрёт. Для перемен требовал вождь, им и стал тридцатидвухлетний Пётр II, упрямством духа напоминавший Франциска Ассизского, а способностью к интригам Игнасио Лойолу. Лучшего руководителя паствы в это время и в этих обстоятельствах трудно было представить.

Нацистские лидеры, всецело занятые местными проблемами, проморгали революцию в Ватикане, а когда спохватились, было уже поздно. Церковь, возродившаяся из пепла забвения, всерьёз сочла, что может стоять над правителями и над экономическими моделями. Понтифик почти не скрывал, что стремится к следующему status quo ante bellum⁶: миропомазанников утверждает заместитель Апостола на земле. Или не утверждает.

Церковь уже невозможно было запретить, но и диктовать свою волю у неё тоже не хватало сил. Стороны разошлись по разным углам ринга и замерли в ожидании.

В лоне церкви кипела грандиозная работа. Помимо всего прочего, требовалось создать воинство Христаво, напоминавшее средневековые рыцарские ордена, из людей, оторванных от корней, способных с оружием в руках защищать веру от врагов внешних и внутренних, с правом на индульгенцию, для которых Апостольский Престол являлся единственным благом и, при необходимости, карой. Как не трудно догадаться, юный бандит Мирослав Ялуш оказался среди адептов этого воинства.

⁶ Положение, бывшее до войны (лат.)

В любой армии есть солдаты и есть офицеры. Способности Ялуша быстро оценили, он прошёл усиленный курс подготовки, закончил духовную академию в Риме и получил важный чин – вербовщик. В этом чине он работал несколько лет в Португалии, а затем направлен во Львов.

– Здравствуй, Мирослав! – окликнул Янковского ксендз Ялуш. – Как дела? Отец в рейсе?

– В Венгрии, – ответил Мирослав. – На следующей неделе вернётся. А мама с сестрой пошли за облатками.

Семья Янковских была набожной. Воскресную службу в костеле они посещали без пропусков, дети довольно подробно знали содержание Вульгаты, благодаря усилиям матери, литовки по национальности и верной католички.

– Ты уже окончил гимназию? – с самым простодушным видом спросил Ялуш. – Или в следующем году?

Подробное досье на Мирослава Янковского хранилось в верхнем ящике рабочего стола ксендза среди папок с литературой *in primis stare*⁷.

– Получил аттестат, – сказал Мирослав. – Уверенный хорошист, как сказал директор на торжественном вечере.

– Пойдёшь по стопам отца? – осведомился ксендз.

– Скорей всего, – без восторга в голосе ответил Мирослав. – Старшая сестра учится в политехнической школе в Мюнхене, на моё обучение средств не хватает. Не в армию же идти, в Донбассе наших пачками кладут, хотя сколько лет война продолжается.

– А тебе нравится армия? – спросил ксендз.

– Если в хорошей стране, почему нет? В Германии или в Англии. Я даже запрос посылал, мне вежливо ответили: только при наличии гражданства. А так чего, круто, всё за тебя придумали, живи, не парься, особенно, если при складе устроиться.

– Мечтаешь о спокойной жизни? – спросил ксендз.

– Да нет. Я не из трусливых. Если надо, могу и повоевать, вопрос, только за какие шиши? В Донбасс добровольцев вербуют, но им там платят, курам на смех. Жадные они, хохлы.

– Не всё измеряется деньгами, – назидательно произнёс ксендз. – Но отчасти ты прав, если рисковать жизнью, надо точно понимать, зачем.

– Вот и я говорю, святой отец, – сказал Мирослав. – Предложили бы сотню баксов в день, тогда можно подумать. На войне, конечно, страшно, с непривычки, но не все же погибают.

⁷ В первых рядах (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.